СОВРЕМЕННИК

ЛЕВ СОРОКИН

ПУШИЦА

НОВИНКИ·СОВРЕМЕННИКА·

Лев Сорокин

Пушица

Книга стихов

Москва · 1979

Р2
С65

Сорокин Л. Л.

С65 Пушица: Книга стихов. — М.: Современник, 1979. — 109 с. (Новинки «Современника»).

В книгу свердловского поэта вошли стихи о родном уральском крае, о людях, преобразующих его. Большинство стихотворений — о нашем современнике — активны, злободиевны, публицистичны.

С $\frac{70402-118}{М106(03)-79}$ 148—79 4702010200 **Р2**

Мой компас — сердце

Моя земля

Бывало,
прадед на поля
С глухой тоской глядел.
И говорил:
— Моя земля! —
Про нищенский надел.
А я,
как встану у Кремля,
Гордясь,
вокруг взгляну
И говорю:
моя земля! —
Про всю мою страну.

*

Берегите громкие слова!
Их народ вынашивал веками.
И у них особые права —
Над землей гудеть
Колоколами.

Расчехляют громкие слова,
Как знамена
В ожиданье боя,
Если с миром говорит Москва
Или враг стоит перед Москвою.

Майкор

Ах, Майкор, —
                    тракторы и краны,
Дощатый старенький настил!
Стальную Русь ты
                    с деревянной
Навек в себе соединил.
Мне на тебя не наглядеться,
И в час,
          когда спадает жар,
Меня ведет,
                    как будто в детство,
Скрипучий в щелях тротуар.
Милы мне чем-то и знакомы
Одноэтажные дома,
Полупустынных улиц дрема,
Дорожной пыли кутерьма,
И след гусиный
В следе шинном,
И Камы ласковый прибой,
И переклички петушиный
Разноголосый
Разнобой.
И тополя в столетье ростом,
И взмахи сильного весла,
И то, как буднично и просто
Здесь люди делают дела.

*

Рушит откровенности мгновенье
Все плотины сдержанности
Враз.
Откровенность —
Это очищенье
От всего,
Что сковывало нас.

От всего,
Что тяжестью ложится
Раньше, чем на плечи,
На сердца,
В жизни нужно с кем-то поделиться
Самым сокровенным
До конца.

И не галстук сбросив,
А степенность,
Без оглядки кинуться вперед.
Хоть частенько нашу откровенность
Кто-то против нас и повернет.

Я иду, как будто древний лучник,
Под обстрелом ядовитых стрел.
Скрытности удел —
Благополучность,
Битва —
Откровенности удел.

Чердынский июль

Заснуть бы,
Да спать не захочешь:
Влекут и тревожат меня
Над Колвою белые ночи —
Пора незакатного дня.

Волна под мостками струится,
На привязи спят катера,
И сказочной дальней жар-птицей
Вздымается пламя костра.
Стремится в безлюдье урочищ,
Туда же и тучи летят...

Не так ли вот
Белые ночи
Здесь плыли столетья назад?

И, может, в кольчуге мой предок
Над колвинской быстрой водой
Стоял после тяжкой победы
И видел Полюд пред собой.

И Чердынь в белесые дали
Смотрела притихшим кремлем.
А склоны Полюда сверкали,
Как русский победный шелом.

И тучи,
Как клочья потемок,
Шли в глубь незакатного дня.
Как я своих предков,
Потомок
Припомнит когда-то меня?

Спит город над речкой рабочей,
Не дрогнет заколвинский лес.
Над Чердынью белые ночи —
Пора незакатных небес.

Пушица

Полярный круг,
А как пушится
Остатком снега у дорог
Неповторимая пушица —
Неяркий
Северный цветок.

На синих льдах дрейфуют зимы,
Но дует южный ветерок,
И словно волосы любимой
Пушица —
Северный цветок.

Стирает время дни и лица,
Я улетаю на Восток,
Но вижу издали пушицу —
Недолгий
Северный цветок.

Опять метели вереницей
И зимний ветер валит с ног.
Но все снега пробьет пушица —
Высокий
Северный
Цветок.

*

Стрелки лезут
упрямо
за полночь.
Но всю ночь
по заре мы плывем.
Заполярные летние волны
Золотым отливают огнем.

Тот огонь
под винтами клокочет,
Обожжешься —
Лишь брызги задень.
Ах вы, белые,
белые ночи,
Превращенные в солнечный день!

И запомнить мне хочется это,
Чтоб навечно остались со мной —
День,
длиною в полярное лето,
Ночь,
в полярную зиму длиной.

Не забыл я о Севере прежнем,
Что в метель пеленал
Глыбы скал.
Даже Север становится нежным,
Где ж я нежность свою растерял?

Как вы трепетны, светлые краски!
Если б только ты рядом была,
То слова в себе,
Полные ласки,
Ночью солнечной сразу нашла!

Я спешу в безотчетной тревоге
Оглянуться опять и опять,
На ухабах таежной дороги,
Видно, нежность боюсь расплескать.

Стрелки лезут упрямо
за полночь,
Но к заре
по заре
мы плывем.
Заполярные летние волны
Отливают неярким огнем.

В метель

У полярного круга
Гудит параллель,
Не сдержать ей
Ветров ледяного кипенья,
Обвязались вагончики,
Видя метель,
Как надежной веревкой,
Трубой отопленья.

Низкорослые сосны
Шумят за окном,
Как штыки, приподняв
Свои редкие ветки.
А начальник участка
Затих за столом —
Вспомнил, как он ушел
В сорок первом
В разведку.

Разве можно пробиться
Сквозь годы назад?
Но прожектором память —
На взгорьях покатых,
Где безусые парни
Недвижно лежат,
Словно в саванах белых,
В своих маскхалатах.

Так же ветры
В атаку
Водила метель,
Но она не скрывала
От выстрелов метких...
Снял начальник давно
Фронтовую шинель,
Но еще не вернулся
Домой из разведки.

Край передний —
У каждого времени свой,
И кому-то быть первыми
Необходимо.
Первым вел он строителей
Под Бухарой,
Первым вышел
На тающий берег
Казыма...

Где-то МАЗ загудел:
Сел на снежную мель,
Но окно у вагончика
Все побелело.
И начальник участка
Выходит в метель —
Быть разведчиком века
Нелегкое дело.

*

Вертолеты все рогаты,
как олени.
Ну и надо же! —
вращаются рога
Так, что в воздухе
подтаявшем
весеннем
Начинается
жестокая пурга.

И когда мне оказаться где-то надо,
Я на пастбище оленье не бегу,
Вертолетное затихнувшее стадо
Ждет недаром на распаханном снегу.

Солнце в небе вновь до осени повесив,
Разгорается полярный новый день.
Ты неси меня сквозь тучи поднебесьем,
Мой железный,
Мой летающий олень!

В таежном поселке

Ух, какой же морозище колкий!
На ходу оттираем носы.
Только бродят спокойно в поселке
В одиночку
И стаями
Псы.

Или трутся у ног ваших нежно,
Или гонят обидчика прочь,
Как полярные льды,
Белоснежны
И черны,
Как полярная ночь.

То играют с детьми осторожно,
То грустят у закрытых дверей.
Видно, Север обжить невозможно
Без надежных
косматых друзей.
И лохмачу я шерсть без утайки
Полюбившимся северным псам.
Нынче снова приснились мне лайки,
Говорят — это
к новым друзьям.

Лабытнанги

Лабытнанги — это семь лиственниц.

Затихает на стоянке
Вертолетный гул и вой.
Лабытнанги,
Лабытнанги,
Вот и встретились с тобой!

«Лабытнанги»! —
Это слово повторю семь раз подряд,
Дружно лиственницы снова
В этом слове зашумят.

И расскажут,
Как поселок
Здесь рождался в трудный год,
Под полярный звездный полог
Бросив гул своих работ,
Чтобы улиц прямотою
Подчеркнуть характер свой,
Чтобы вечной теплотою
Плыть над вечной мерзлотой.

Я уеду.
Выше рангом
Повстречаю города,
Только слово «Лабытнанги»
В сердце вспыхнет иногда.

— Лабытнанги! —
Незаметно
Повторю семь раз подряд,
И семь лиственниц
Бессмертно
В слове снова зашумят.

В школе рабочей молодежи

На стенах —
широкие карты,
На столике —
глобуса шар.
Мой друг качканарец
за партой
Читает про свой Качканар.

Про город,
рожденный на круче,
Про фронт
пятилетних работ.
Мой друг
географию учит,
Которую сам создает.

Качканар

Огоньки и звезды спорят,
Нам от этого светлей.
Качканар в таежном море
Словно остров из огней.

А дома на нем как скалы,
Как застывшие года.
Отплывают самосвалы,
Подплывают поезда.

Эх, зеленые штормовки,
Были вы как паруса
Для ребят,
Не по вербовке
Прибывающих в леса.

Это все-таки непросто —
Жизнь сложить из блоков-дней...
Качканар в тайге как остров,
Весь он в зарослях огней.

Глядят
в небеса

Смотри, журавли над Тагилом
Не клином —
Цепочкой летят.
Привычно над городом милым
Вулканами домны дымят.

Но все-таки трубы — не ружья,
А дым —
Не дымок из ружья.
И птицы над городом кружат,
Совсем не боятся жилья.

Над куполом нового цирка
Под всплески рабочих зарниц...
А звездочки в небе, как дырки,
Пробитые клювами птиц.

Строки, написанные в шахте

А космонавты и шахтеры — братья!
Об этом знать романтики должны.
И небо принимает нас в объятья
По трассам из подземной глубины.

И в городках горняцких на Урале
Не меньше байконурцев мы горды:
Уверенность в космическом металле
Рождается из добытой руды.

Снежинки над землею серебрятся,
Гуляют под землею ветерки.
Чтоб космонавтам в небеса подняться,
Спускаются под землю горняки.

*

Дивлюсь я шоферскому такту,
Машина идет —
Будь здоров! —
По старотагильскому тракту,
Где сосны стоят
В сто рядов,
Где волнами дыбят ухабы,
Где качка —
Не меньше морской,
Где звезды —
Лучистые крабы —
Ползут в небесах над горой.
Сейчас мы поднимемся в гору
И въедем на тучу-паром.
Вот будет о нас разговоров,
Когда над землей поплывем!
Шофера бы шуткой не сглазить:
Апрельский ночной гололед!
На бешеной скорости «газик»
Пошел на крутой поворот.
Отпрянули сосны и горы,
И ветер отпрыгнул, как лось...
Ах, если б в ночи светофором
Вдруг сердце любимой
Зажглось!

За станицей

За станицею сонной
Почернели стога,
Манят мятой зеленой
Заливные луга.

Птичьи замерли вскрики,
Потемнел небосклон.
Стал действительно Тихим
Затуманенный Дон.

Только бакен мерцает
На покатой волне,
Только катер качает
На густой тишине.

А у Дона, на взгорье,
Там, где вянет заход,
Словно бродит Григорий
И Аксинью зовет.

Показалось,
                что кони
В плавнях вдруг захрапят
И копыта погони
Тишину раздробят.

Сердце, что же ты?
                                Тише.

Неужель невдомек,
Что не Мелехов вышел,
А другой паренек.

...Не шевелится цапля,
Неподвижна куга.
Как казачая сабля,
Вложен Дон
В берега.

Лодка

Осень тянет,
Подобно монтеру,
Паутиночки,
Как провода.
Чуя близкую стылую пору,
Разыгралась под солнцем вода.

По затопленной лодке
Волнами
Бьет вовсю наступивший прибой.
В лодке плавает между бортами,
Словно рыбка,
Листок золотой.

Кто же лодку бездомную бросил?
У гранитных отточенных плит
Без цепи,
Без замка
И без весел
Затонувшая лодка лежит.

Близко-близко
Желтеющий берег,
За кустами деревня видна.
Затонувшая лодка не верит,
Что она никому не нужна.

И под жалобы плачущих чаек
Ждет,
Что снова хозяин придет,
Воду всю из нее откачает
И она на поверхность всплывет.

Даль поманит лесами, лугами
И дымками большого села.
Весла снова всплеснут над волнами,
Словно два возвращенных крыла.

...Осень ходит неспешной походкой,
Паутинки колышет вокруг,
Солнце греет.
И чудится лодке
Теплота
Человеческих рук.

*

Где погиб он,
Друг мой близкий?
У каких высот крутых?
Обелиски, обелиски...
На дорогах сколько их!

Облака слетелись в стаю.
Только льются слезы вдов.
Не от слез ли вырастают
Обелиски из холмов?

И, на молнии похожи,
В жизнь врываются людей,
Беспокоя и тревожа
Устремленностью своей.

Словно смолкшие атаки —
В каждой каменной стреле...

Восклицательные знаки —
Обелиски на земле!

*

Весь мир жалеть абстрактио можно,
Трудней сорвать
Покой
Ночной,
Когда скрнпит, скрипнт тревожно
Сосед протезом за стеной.

Опять, вндать,
Нежданным взрывом
В его годах пробнта брешь.
И он опять живет порывом —
Прорывом
В город Будапешт.

Опять вокруг машнн останкн,
Опять в ушах звучит прнказ.
И он горнт в подбнтом танке,
Горнт, быть может,
В сотый раз.

И ссли люк не распахнется,
А дверн мы раскрыть должны,
На этот раз он задохнется
В безмерном зареве войны.

В вагоне

Я помню,
в грохоте вагона
Пел под гармонику слепой:
«А молодого коногона
Несут с разбитой головой».

Я был мальчишкой.
Конокрадом
Мне представлялся коногон.
Пел человек с незрячим взглядом,
По-бабьи всхлипывал вагон.

Была слепцу глазами палка,
Она, стуча, вела слепца.
И было мне до боли жалко
Не коногона,
А певца.

А он не щурился от света,
И в кошелек его руки
Летели белые монеты
И золотые медяки.

А был слепой широкоплечим,
Но плечи свел мгновенно стыд:
— Прости, браток,
Подать мне нечем! —
Сказал безрукий инвалид.

...Подплыла станция,
Затенькал,
Зарокотал бессонный тыл.
— Где в Фонд Победы
Сдать мне деньги? —
Слепой на станции спросил.

Грузились танки и пехота,
И от теплушек шел дымок...
Слепой, казалось, видел что-то,
Чего увидеть я не мог.

*

Словам не верим!
Только сами
Пройдя,
Что старшие прошли,
К своей земле
Припав сердцами,
Мы понимаем
Боль земли.
Шуршат пустыни.
А в Европе
И подо Мгой,
И под Москвой
Еще находим мы окопы,
Слегка зашитые травой.
Лежат морщинами овраги,
Ожоги свежие густы.
Но листья плещутся, как флаги
Неистребимой доброты.
Хотя земле бывает трудно
Самой залечивать всегда —
Что люди сделали безлюдным
Не за века,
А за года.
Но вновь в лесах деньком погожим
Для нас дары припасены.
Чем оплатить земле мы сможем!
Не зря землей мы рождены!

*

Мой шар земной!
Летя веками в дали,
Уже давно рассыпаться бы мог,
Когда бы мы его не утоптали,
Когда бы мы его не обвязали
Канатами натянутых дорог.
Они,
о вечность задевая,
трутся,
Их разрубить пытается война...
Но если те дороги разорвутся,
То и Земля
рассыпаться должна.

*

Чтоб видеть больше.
Больше знать с годами,
Мы для того, наверно, и живем.
Деревья,
Словно черными плодами,
Увешаны обильно вороньем.

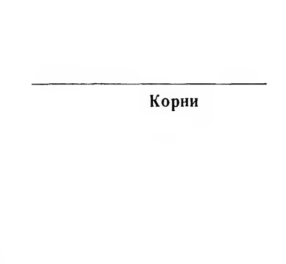
Я и не ведал,
Что порою тучи
Из воронья бывают сплетены.
Чтоб встать над ними,
Лезу я на кручи,
Где все четыре стороны видны.

Где месяц,
Словно на клеенке синей,
Забыт подобно стертому ножу.
Не в горы ухожу я
из низины,
Из осени я
В зиму выхожу.

Внизу приходит утро постепенно,
А здесь, на кручах,
день уже настал.
И зимний ветер
пахнет свежим сеном,—
И этого, признаться, я не знал.

Ты, жизнь моя, заставила скитаться
Неблизкими дорогами страны.
Но я не разучился удивляться
До седины
И в пору седины.

Пусть разомкнутся хвойные ресницы,
Когда я рухну где-то под сосной,
Чтоб в миг последний мог я удивиться,
Как ярко светит
Солнце
Надо мной!

Корни

Баллада об отце

I

Здесь, в обелисках, высятся года,
Их, прогремевших и затихших,
много.
И потому пришедшие сюда
Глядят сосредоточенно и строго.

И сосны
над молчанием могил
Не как в лесу шумят,
а по-иному.
Прости, отец,
что редко приходил
К тебе я
не гранитному —
живому.

Теперь-то у тебя
Я частый гость,
Но ты мне не ответишь,
Как бывало.
В просвете дат
Безмолвно улеглось
Все, что тебя когда-то волновало.

Безмолвно?
Нет, я верю в чудеса!
Я сердцем прикоснусь к застывшим датам—
И вспыхнет гром,

И вздрогнут иебеса,
И предо мной
Предстанешь ты
Солдатом.

II

Обшарпанное здание ЧК,
Все пулями израненное зданье,
И ты в кожане
у броневика
В тугом кольце
Кулацкого восстанья.

Граната нагревается в руке,
В другой —
наган затих в оцепененье,
В стремительном
Отчаянном
Броске
Свое ты начинаешь
наступлеиье.

Я иа плиту надгробную твою
Гляжу и вижу:
Не хватает даты —
Не в материнских муках,
А в бою —
Известно всем! —
Рождаются солдаты.

III

Закат землей и тучами зажат,
Беззвучио рвутся солнечные нитки.

А под ногами
грудою лежат
Листвы осенней
Золотые слитки.
Я равнодушен к золоту,
Его
Родня не оставляла нам в наследство.
И не забыть вовеки мне того,
Как бескорыстью обучали с детства.

Отец,
не раз рассказывал ты мне,
Как вас особняки огнем встречали,

Как после схваток
В зыбкой тишине
Богатство контры
Вы конфисковали.

И груды бриллиантов и часов
Не в сейфы с хитроумными замками,
Вы закрывали просто на засов,
Не ограждая острыми штыками.

Зачем замки?
Уездное ЧК
Любые воры обойдут далече:
Они-то знают, как тверда рука
Бывает у «товарищей» при встрече.

И вдруг,
как будто по лицу удар.
Начальник наш краснеет,
как мальчишка:
— Сегодня заглянули на базар,
А новичок —
сбывает золотишко!

Он взял в кладовке лишь одно кольцо!
Простить его?
Но звался он
Чекистом...

Смотрела Революция в лицо
Усталым трибуналом неречистым.

И перед строем замерших бойцов
Ударил выстрел
Коротко и внятно.
Седое поколение отцов,
Твоя непримиримость мне понятна!
И у меня пробилась седина,
Но не расстанусь с вашими словами:
«Твориться революция должна
Лишь чистыми сердцами и руками!»

IV

На бреющем —
проходят облака,
А может, это пролетает время
В тяжелых сгустках
Вдаль
Издалека
Над горем
И над радостями всеми?

Оно летело так же и тогда,
Сгущая в дни
минуты и мгновенья,
Когда, отец,
менял ты города
С армейским кочевым подразделеньем.

Приказ:
«Из Минска ехать на Урал!»
Теперь нужны милиции —
солдаты.
Опять в горах грохочет не обвал,
А выстрела бандитского раскаты.
И ты, отец,
уже не военком,
А ты, отец,
начальник горотдела.
И папки громоздятся над столом,
И каждая из них зовется «Дело».

И молния раскалывает мрак,
Рванули будто
молнию из ножен.
Ты так хотел уехать на рабфак,
Но сам себе
Сказал ты:
«Кто-то должен...»

Давно, отец,
другие времена,
Но мир, отец,
по-прежнему так сложен,
Что нам порой бывает не до сна,
Но ты же повторял мне:
«Кто-то должен!»
И шел в ЧК,
И ехал в дальний полк,
Шел охранять,
Что с боем было взято.
Не жертвенность в твоих словах,
А долг.
А долг —
Источник мужества солдата.

V

Ну, кто придумал,
                    что всему свой срок?
Ты шел домой,
                ие старый, ио усталый.
Болезиь тебя
Неждаиио
Сбила с иог,
Как с той гражданской
Выстрел запоздалый.

Казалось, с ней ты справиться ие смог!
Но тут — война.
И, иапрягая силы,
Вставали ииналиды за стаиок,
И мальчики сиаряды подиосили.

Я утверждаю:
                зиали о войие!
Солдат-посыльиый постучался резко
Еще за месяц в майской тишиие,
Придя с военкоматовской повесткой.

Звезда упала в клумбу на дворе
И стала светляком зеленоватым.
Отец шагиул из дома иа заре,
А возвратился
Только
        в сорок пятом...

VI

Ох, память сердца,
Как оиа крепка! —
Вновь обжигает горестью вчерашией,

И вновь в руке —
отцовская рука:
Мол, я солдат,
и мне совсем не страшно!

Он умирал.
И говорить не мог.
Он только слышал:
Плачут домочадцы.
Он умирал.
Но от земных тревог
Упорно не хотел он отрываться.

Вот так идут, наверно, на расстрел
И смотрят не на дула,
А на пашни,
И вспоминают:
«Что же я успел?
Солдатом был —
И мне совсем не страшно!»

Лишь знать бы точно,
что наследник твой
Продлит тобою начатое дело, —
И насладится теплою землей
В последний миг
Распластанное тело.

Потом в граните воины встают —
Бессильны грозы
И бессильны стужи, —
А жизнь свою они передают,
Как будто безотказное оружье...
Так и отец,
Ты все мне передал
Своим рукопожатием прощальным...

А в небе тучи,
Словно глыбы скал,
Уже грозятся грохотом обвальным.
И вечер тени сильно удлинил,
А добираться далеко до дому.
Прости, отец,
Что редко приходил
К тебе я
    не гранитному —
        живому.

*

Вот и возраст комсомольский вышел,
И уже не я с моим дружком —
Двое незнакомых мне мальчишек
Радостно торопятся в райком.

Эх, вернуть пятнадцать лет и мне бы!
Но тогда, в мои пятнадцать лет,
Затемненным было даже небо,
Словно звезд на свете больше нет!

Вот когда мы изучили карту,
Отмечая зыбкие фронты.
Нам казалось, что застыли парты
Возле самой огненной черты.

Где-то с неба падали десанты,
Из разведки кто-то не пришел.
Мы ошибки делали в диктантах,
Но не в заявленьях
в комсомол.

Танки уходили с Уралмаша,
Был октябрь морозен, как январь.
...Хочешь нынче заявленья наши
Повторю, товарищ секретарь?

У нашей школы

На школы многие похожа
И наша школа,
                    номер пять!
Так почему седой прохожий
К ней возвращается опять?

Мальчишка, шустрый и веселый,
К нему вприпрыжку подбежал:
— Вы что,
            учились в нашей школе?
— Нет,
        не учился,
                    а лежал!

Глядит мальчишка удивленно,
А я припомнил вдруг вокзал,
Где санитарные вагоны
В ночи тревожной разгружал;
И класс,
            что сделался палатой,
Где вместо парт —
                    кровати в ряд,
Где походили все солдаты
На старшеклассников-ребят!

Я был знаком с таким солдатом,
Он о себе мне рассказал.

Мечтал учиться он в десятом,
В девятом классе —
умирал!
Он умирал спокойно,
строго,
И для меня,
для всех ребят
Был самым лучшим педагогом
Недоучившийся солдат.

*

В дни,
когда из роздыми морозной
Враг смотрел
на купола Москвы,
Поднималась
мать-Россия
грозно
В образе
седеющей вдовы.

И казалось нам:
сквозь клубы дыма
Смотрит
мама,
старшая сестра.
На иконах
не богинь —
любимых
С древних пор
писали мастера.

Разговор с военруком

Не спал мой город тыловой —
Промасленный и затемненный,
Не шпиль держал он над собой,
А штык,
Уралом отграненный.

Был предо мною острый штык,—
Я на посту стоял у школы,
И показалось мне на миг:
Оброс штыками
Тополь голый.

Мы не жалели сил и дней,
Чтоб овладеть военным делом.
На склонах юности своей
Окопы рыли мы умело.

Как мы с ребятами в бою
«Ура!» — восторженно орали.
И с песней,
с посвистом
в строю
Мы гордо городом шагали.

Но как-то смолк затворов стук,
И, подойдя с протезным хрустом,
Уставший за день военрук
На нас взглянул с улыбкой грустной.

Он словно что-то знал о нас,
Чего не знали мы и сами.
Еще не отданный приказ
Зажат был твердыми губами.

...Промчались дни.
Мой лучший друг
Покрыт землею и годами.
Ну что ж, товарищ военрук,
Теперь-то
всё мы
знаем
сами.

На высоте

Ивану Акулову

Солнце встало. Небо сине.
И подъем крутой-крутой —
Там,
где видится Россия
Безымянной высотой.
Мой попутчик смотрит с болью:
— Подожди, водитель, стой!
Нераспаханное поле
Все засеяно войной.
Гильзы выставили спины,
И, калеча косогор,
Притаившиеся мины
Прорастают до сих пор.
И глубокая траншея
Делит поле пополам.
Мой товарищ перед нею
Наклонился не к цветам,—
Так, наверно, археолог
Ворошит останки дней.
Держит он в руках осколок
Давней юности своей.

Здесь и танки, и пехота
Гнули Курскую дугу,
Здесь товарищ поднял роту,
Чтоб ударить по врагу.
И на этом самом месте
С пулей встретился тогда.

В наших книгах,
В наших песнях
Остаются те года.
Неизбывное раздолье —
Он глядит по сторонам.
А траншея делит поле,
Жизнь
и сердце
пополам.

На фестивале
(Быль)

Снова в прошлое зал многолюдный
Фестивальная песня ведет.
Слушал я, как в году сорок трудном
Погибает у Крюково взвод.

Зал огромный,
Ты сделался тесным,
Пусть услышат просторы земли:
«Взвод тогда не погиб весь.
Из песни
Два бойца уцелевших пришли».

Что, ведущий, замешкался вроде?
Без тебя мы в рядах не найдем
Не погибших из этого взвода
Пулеметчика с политруком.

Двое встали в костюмчиках штатских:
«Ну, чего, мол, особого в нас?»
Только луч от регалий солдатских
Так сверкнул —
Даже слезы из глаз!

Чуть сутулят и годы, и раны
Засмущавшихся старых бойцов:
Не певцам,
А певцы ветеранам
Преподносят букеты цветов.

Ни у нас,
Ни в дали иностранной
Я оваций таких не слыхал:
Не артистам —
Бойцам-ветеранам
Аплодировал зал.

Словно встав по незримому знаку,
Не жалея взметнувшихся рук.
Молодых будто поднял в атаку
Не погибший в боях политрук.

Зал светлел, аплодируя, плача,
Что такое увидеть пришлось.
Верю,
Сильные только не прячут
Благодарных и радостных слез.

Их седой политрук не стеснялся,
Пулеметчика он обнимал.
Взвод у Крюково пал.
Но поднялся
Вместо взвода,
Как армия,
Зал!

*

Снова солнцем земля озарилась,
Сына к свету
подвинула мать.
Так обычно...
А вам доводилось
Солнце ввысь
На себе поднимать?
Через горы,
Завалы
И ветер,
Торопясь,
Обжигаясь,
Скользя,
Чтоб опять,
Как всегда,
На рассвете
Увидали бы солнце друзья.
Это мы его подняли в сини.
Вы не верите?
А у солдат
До сих пор обожженные спины,
Обожженные руки горят.

*

На проспектах
Прямых
Свердловских,
Как плакат,
Натянут закат.
Двое в модных костюмах броских
Лихо клешами шелестят.
Говорят про других прохожих:
— В наше время
Не модно так... —
Седовласый и меднокожий
Возле них
          чуть замедлил шаг.
— В наше время? —
И хмыкнул горько.
Тихо звякнули ордена.
Был он в выцветшей гимнастерке,
Модной в грозные времена.
И когда над лавиной Конной,
Призывая на смертный бой,
Поднимал командарм Буденный
Саблю яркую над собой.
И когда,
          позабыв усталость,
Поднимались с Курской дуги...
Уходил солдат,
И, казалось,
Говорили его шаги...

Под плакатом вечерней зорьки,
Где шумит толпа дотемна,
Шел он
в выцветшей гимнастерке,
Модной в грозные времена.

*

У тучки лучи
Словно стропы, —
Спускается солнце с небес.
Каштановый ветер Европы
Ворвался в березовый лес.

И день возвращает вчерашний,
И видятся снова вдали
Старинные пражские башни,
К которым уральцы пришли
В том давнем году
сорок пятом,
Где Прага —
Как точка войне.
Не грех и поплакать солдатам
В каштановой белой весне.

...Над старым заросшим окопом
Стоит и стоит человек.
Каштановый ветер Европы,
России березовый снег.

Опять объявляли тревогу

Заречье дождем обстреляли
На зорьке полки облаков.
Но тихнут осенние дали
От гулких солдатских шагов.

Опять объявляли тревогу —
Проверку и воли, и сил...
Готовятся птицы в дорогу,
Как те,
Кто уже отслужил.

И солнце не греет, как прежде.
Грозится снежком небосклон.
На зимнюю форму одежды
Уже перешел гарнизон.

И близится время парада,
А листья летят и летят
И, словно за службу награды,
Блестят на груди у солдат.

Ура

Нет, мы «Ура!» в архивы не сдавали,
Оно еще не раз разбудит дали,
Но поняли:
«Ура» кричат не так:
Не в залах на парадных заседаньях,
А выполняя важные заданья,
В пылу испепеляющих атак.
Или в победном выдохе одном,
Когда «Ура!»,
как после молний —
гром.

*

Сменяются
И месяцы,
И даты,
И время наступает молодых.
Уходят вновь
Из армии
Солдаты,
Но не уходит армия из них!

Шинели

Мы,
    если в прошлое вглядеться,
Свыкались рано с формою бойцов.
Ты помнишь,
        как донашивали в детстве
Шинели возвратившихся отцов?

Но вот опять прожекторные вспышки,
И мы с тобой
        идем в походной мгле,
Чтобы смогли донашивать мальчишки
Последние шинели на Земле.

Прошлое

Тревожит прошлое, тревожит
То обелиском,
То строкой.
Вновь загореться ночь не сможет
Над пограничною рекой?

Не загрустят над новым Брестом
Деревья с выжженной листвой?
И чья-то робкая невеста
Не станет вечною вдовой?

Забыть бы карточки, высоты,
Как будто прошлого и нет.
Забыть?
Но вмиг поднимет кто-то
Подразделения ракет.

Тревожит прошлое ночами,
Зовя в атаку каждый раз.
Оно не расстается с нами,
Оно не где-нибудь,
А в нас.

*

Мы спорим о счастье,
Не думая даже,
Что счастье —
Коснуться колосьев литых,
И видеть,
Как солнце из ливневой пряжи
Опять покатилось в цветах луговых.

О ливни июля!
О солнце июля!
Вы дарите счастье земле,
Значит — мне.
Вы радугу снова подковой согнули,
Нас радуя всех
В полевой стороне.

Шагаю в луга,
Где трава по колено
Росла на заре на речном берегу.
Вдыхаю я запахи свежего сена,
И все надышаться
никак не могу.

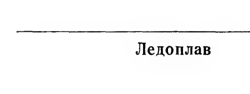
Мои
учителя

Волнуюсь —
Отчего, не знаю сам,
Когда родная школа пред глазами.
Иду я выступать к учителям,
А кажется:
Иду я на экзамен.
Теперь и я,
Как педагог мой,
Сед.
Но продолжают
Сниться,
Сниться,
Сниться —
Наш тесный класс,
И рыжий мой сосед,
И старого учебника страницы,
И с двойкою раскрытая тетрадь,
И то, как перед классною доскою
Стоит моя учительша опять,
А слезы ее смешаны с тоскою.

И я во сне годами к ней бегу,
А наша школа — близко,
По соседству.
Я в школу наяву войти могу,
Но не могу никак войти я в детство.
Легко ль узнать учительницу мне
В старушке с трудовыми орденами?

Мы молоды,
Пока парим во сне,
А не во сне —
Не справимся с годами.
Забывчивости стыдно мне моей,
Но всех,
с кем был,
Запомнить я не в силе,
Я многих позабыл учителей,
А вот они меня не позабыли!
А им трудней, таким немолодым!
Но к нам они идут,
Презрев усталость:
— А помните?.. —
Но то, что важно им,
Наверное, не важным нам казалось.
— Не помним! —
И отводим быстро взгляд,
Как будто бы не знаем мы урока.
Они ж глядят,
Всю жизнь на нас глядят,
Как наша совесть,
Требующе, строго.
Они свое отдали нам сполна,
Но мы же отплатили им немногим!..
Заслуженные нами ордена
Должны носить бы
Наши педагоги!

Ледоплав

Весенний пейзаж

Когда рассветный луч
скользнул по крышам,
Увидел я в раскрытое окно,
Что форму летнюю
приказом свыше
Деревьям всем носить разрешено.

Для утренней поверки
вдоль дороги
Построились деревья,
а Весна
Их выправку осматривала строго,
Придирчиво,
как будто старшина.

В моих лесах

В моих лесах неброских —
Осины,
Сосны,
Ель,
В моих лесах — березки
Белее, чем метель.

В моих лесах рябины
Искрят, как автогены,
И горные вершины
Берет малинник в плен.

Родной, разноязыкий,
Я шум лесной ловлю
И с яблонькою дикой
Поговорить люблю.

О том, что в Закарпатье
Встречал ее сестер,
Похожи, словно братья,
Наш и сибирский бор.

Я видел лес в Европе
В рябиновом огне,
На азиатских тропах
Встречались кедры мне.

Деревья, как народы,
Смешав,
Сроднил Урал
В уральскую породу,
Впитавшую металл.

И над землей родимой,
Поднявшись в небеса,
Шумят неповторимо
Уральские леса.

Ледоплав

Вот он, вот он —
ледоплав!
Над рекою —
громы!
На дыбы с размаху встав,
Рушатся заломы.

Сколько снега утекло
В глубину разводий.
И весеннее тепло
Берега разводит.

Неужели так и мы?
Неужели тоже
В ледяном плену зимы
Я с тобою прожил?

То беда
иль не беда —
Я не знаю, право! —
Обнажается вода
В гуле ледоплава.

Перед грозой

Слыша дальнее громыхание,
Все стихает в полях, в лесах.
Как томительно ожидание,
Как похоже оно на страх!

Каждый кустик
И стебель
Стелется,
Словно спрятаться захотел.
Не хочу замирать,
Как деревце,
Перед ливнем гремящих стрел.

Мелкой дрожью река охвачена,
Но ударил ливень косой...

Сколько времени зря потрачено
На затишье перед грозой!

Оркестр

Оркестр завидует солисту,
Оркестр
        от зависти
                замолк:
—Ах, дьявол,
                как играет Листа!
Сам Лист, наверно,
                так не мог!

Но у солиста смолкли руки.
Гул барабана,
Взлет смычка.
И полились ручьями звуки,
Ручей к ручью —
Уже река.

Она бурлит потоком чистым.
Но чем раздольней —
                тем нежней:
Как трудно в жизни
Быть солистом,
Оркестром быть —
Еще трудней.

В тайге

В центре развороченной площадки,
Где давно бульдозеры гудят,
Деревца,
            забыв о беспорядке,
Клейкою листвою шелестят.
И две птицы
                        в грохот новостройки
Все сильней вплетают голоса,
Птицы эти держатся по-свойски,
Словно здесь дремучие леса.
Будто взрывы не грохочут где-то,
Словно к ним не подползает гуд.
Птицам,
            видно, кажется,
                                    что это
Хором
            в честь таежного рассвета
И машины мощные поют.

На пасеке

Ах, эти пасеки в тайге,
Пчелиные аэродромы...
Застыли кедры вдалеке,
Не в силах сбросить знойной дремы.

Струится солнце,
Словно мед
Из золотистых сот сочится.
А там,
        где ходит пчеловод,
Кричит рассерженная птица.

И тонкий звон,
И тихий хруст
Плывут то слева,
                        а то справа.
Таежный воздух свеж и густ,
Настоян он на диких травах.

И кажется, что пчеловод,
Идущий к ульям без опаски,
Спешит собрать для нас не мед,
А звуки,
          запахи
                  и краски.

Светляки

Опять у тропки
Светляками
Иллюминированы пни.
Я нежно голыми руками
Беру холодные огни.

Но сердце, кажется, согреться
Уже готово и от них:
Мне освещает тропку в детство
Свет от фонариков лесных.

И я бегу,
бегу по тропке:
Как в детство хочется всем нам!
Впервые я
На тропке
Робко
К живым тянулся огонькам.

Казалось мне:
Они из сказки —
Костров волшебных угольки!
На лес глядел не без опаски, —
Не подожгли бы светляки!

Но детства нет!
Тропинка тонет —
И в речку рухнули мостки.
Но светят, светят на ладони
Кусочки детства —
Светляки.

Сибирь

Леса и трубы,
Солнечность металла, —
Из дома словно я не улетал:
Сибирь вся
Начинается с Урала,
Сибирью
Начинается
Урал.

И люди различить порой не в силе:
Уралец это или сибиряк,
Они вовек страны не подводили
В огне работ
И в пламени атак.

Где бой кровопролитным был,
Упорным,
Там появлялись наши земляки:
Ценились одинаково Верховным
Уральские,
Сибирские полки.

А сколько вдаль
уральцев уходило,
Чтоб нефть добыть
в таежной глубине.
Вот почему мне дорого и мило,
Что вижу я в сибирской стороне,

Вот почему
Ведут лучи восхода
К сибирской академии меня,
Где в городе прописана природа,
Как самая ближайшая родня,

Где проникаю в будущее взглядом,
Где мне слышнее ветры всех широт:
Сибирь лежит необозримым кладом
И неоглядной стройкою встает.

И стоит жизнь нам измерять Сибирью,
Не мелочной житейской суетой —
Сибирской нерастраченною ширью
И помыслов сибирских высотой.

Лес

Громов далеких перекличка
И молний синий переплеск.
Но убежала электричка
Из-под грозы
                в затихший лес.

Как пот,
          дождинки на вагонах,
И вот, плывя в кустах по грудь,
Она к дощатому перрону
На миг пристала отдохнуть.

Неся плащи,
                подсумки,
                          ружья,
Охапки свежести лесной,
Толпой шумливою и дружной
Народ ввалился отпускной.

О, сколько запахов смешалось
И красок радужных зажглось!
Лишь скрылось здание вокзала,
Мне крикнул кто-то:
— Гляньте, лось! —

И стало горько мне
                и странно,
Что я проехал этот лес,

Что плыл я вдаль —
за океаны,
А край чудес
был рядом —
здесь!

Утро

Туман редеет над рекою,
И лунный свет уже потух.
И, всю округу беспокоя,
Кричит проснувшийся петух.

Но все в лугах.
Подростки даже.
Дни сенокоса горячи!
И солнце катится туда же,
Как вилы,
в стог вонзив лучи.

*

Березку с пересохшею листвою
Я подложил в пылающий костер.
И показалось:
искры над собою
Он бросил в небо
выше темных гор.

Одна — погасла,
Несколько упало,
Но, остывая прямо на лету,
Одна из искр
меж звездочек застряла
И превратилась в новую звезду.

Воспоминания о Каме

Плывут воспоминания
плотами,
Их
катер-память
тянет на простор,
И кажется,
Что снова я на Каме,
Из Камы пьют
Стада лохматых гор.

Она ж несет живительные воды,
Как прежде, глубока и широка,
И раздвигает
Берега и годы
Уральская
Рабочая
Река.

А за века
Могла б растратить силы:
Легко несла груженые суда,
Не только землю каждый раз поила,
Вспоила все заводы-города.

Но крутит вновь без устали турбины,
Рождает щедро россыпи огней.
И не мешают на пути плотины,
А помогают разливаться ей.

И кажется,
Опять она сегодня
Мне тихо шепчет,
Волнами рябя:
— Я оттого и стала полноводней,
Что я живу
Не только для себя.

Осеннее

Вот и кончилось,
кончилось лето.
Под высокий призыв журавлей,
Потревожены ветром рассвета,
Стайки листьев слетают с ветвей.

Что же в этом особого?
Просто
Повторяется заповедь лет.
Но вошел в обнаженные рощи
Беспощадный
Пронзительный
Свет.

И видней
грозовые заметы
И бугры узловатых корней...
Паутинка,
держащая лето,
Дрогнув,
лопнула между ветвей.

На Тверском бульваре

Почему-то мне часто снится
В предосенних цветах столица,
По которой иду опять
На Тверской бульвар, 25.

И опять вижу четко-четко,
Как профессору подаю
Из бумаги грубой зачетку,
Всю в оценках
юность мою.

Институт мой Литературный!
Громогласных студентов рать!
Как любили мы
в спорах бурных
Всех маститых ниспровергать!

Ах, как вытянулись бы лица,
Поубавился в спорах жар,
Если б знали:
Всю жизнь продлится
Строгий
Творческий
Семинар!

Вечно — каждым сборником новым
Защищать будем свой диплом.
Но зато мы с живым Светловым
Обменяться могли кивком.

Как мечтали мы! Как мечтали!
Пусть не все получилось!
Пусть.
На железном своем Урале
Я у жизни
Всю жизнь учусь.

Потому, может, мне и снится —
В предосенних цветах столица.
И опять я иду, опять
На Тверской бульвар, 25.

*

Улетели с криком журавли.
Затянулось озеро затишьем.
Птицы подиимаются с земли:
— Слышим!

Круг прощанья делают они,
Вслед им
машут веслами байдарки...
Не могу смотреть в такие дни
Я на птиц,
Живущих в зоопарке.

*

У моря спор
С массивом горным, —
Прибой гудит без выходных:
То, что одни считают спорным,
Давно бесспорно для других.

У нас все это пред глазами,
Но сами
Спорим мы сильней:
Да будь мы даже близнецами,
Нет одинаковых людей.

Не все докажется делами,
Коль белый свет
Мы видим весь,
Каким он выдуман был нами,
А не таким,
Какой он есть.

Гляжу,
Как море
Бьется в споре,
И понимаю правоту
Неутихающего моря
И гор,
Познавших высоту.

Парусник

Может, парусник буря пригнала?
О былом ли снимали кино?
Только бросил он якорь устало,
Зацепившись за темное дно.
Забежали мальчишки на дюны,
И, прикрывшись от солнца рукой,
Первый спорил:
— Да это же шхуна!
— Каравелла! —
Сердился другой.
А три мачты над морем качались,
Прямотою тревожа своей.
И мальчишки по берегу мчались
У невидимых нам кораблей,
Чтоб с пиратами мериться силой
У неведомых нам островов...
Грустно джинсовой девушке было:
Алых не было
Вновь парусов.
А на зорьке,
Дождавшись прилива,
Волю парусник дал парусам,
Заскользил синевою залива
К затонувшим вдали небесам.
Он исчез за крутыми волнами,
Он растаял в просторе морском.
Только день он стоял перед нами,
Мы всю жизнь вспоминаем о нем.

*

Неповторима
Повторимость
Осенней трепетной поры —
То ветров северных решимость,
То возвращение жары.

Лишь внешне осени похожи,
Сады — красней,
Леса — желтей.
Одна прохладна,
Но погожа,
А та дождливей,
Но теплей.

То осень инеем начнется,
Идя в богатые поля,
Или зимою обернется,
Снегами ранними пыля.

И в том —
К шаблону нетерпимость.
Как и в искусстве у людей.
Неповторима
Повторимость
Дней листопадов и дождей.

Кольцо

Я заметил:
Вовсе не рука —
Сердце окольцовано
Часами.
И для нас
Стучат в них не века,
А десятилетия с годами.

И хотя нас
Крылья вдаль несут,
Провожают весело вокзалы,
С нами всюду
Кольца из минут,
А не из блестящего металла.

Не уйти
Из этого кольца,
Даже вдруг бы
Всех часов не стало!
До конца,
До самого конца
Время нам
Сердца
Окольцевало.

Но пока мы молоды,
Кольцо
Вряд ли кто из нас и замечает,

Просто ветер дует нам в лицо
И дожди за спинами качает.

И пока не стары,
Кольца те
Раздвигаем
Ярыми делами,
Только в подступившей темноте
Нас сожмет прошедшими годами.

В эти кольца
Горе вплетено,
И любовь,
И радость озаренья...
Из кольца хочу я
Все равно
Вырваться
Хотя бы
На мгновенья!

Первый
снег

Первый снег
На крышах,
На оградах,
Под ногами
И на льдинках рек...
Дворник встал иа миг:
— Мести бы надо,
Только жалко тронуть
Первый снег!

*

«Не возвращайтесь к пепелищам!» —
Все говорят.
Но думал я:
«А вдруг меня
Упорно ищет
Любовь ушедшая моя?»

Но там растет другое зданье,
Другие люди и дела.
Лишь кое-где воспоминанья
Еще чернеют,
Как зола.

Просеет память их умело,
И я увижу наконец:
Все загорелось
И сгорело
От замыкания сердец.

*

Мы можем все —
Ведь мы с тобой мужчины.
Мы можем все:
не спать четыре дня,
Как рюкзаки,
друзей взвалив на спины,
Их выносить из дыма и огня.
Мы можем все:
не думать о достатке,
И в чертежи зарыться,
как кроты,
И отбивать нелепые нападки,
И спорить о своем до хрипоты.
Мы можем все:
вскочить на катер тряский,
Пробиться через полюсы зимы...
Мы можем все...
Но вот без женской ласки,
Без женской ласки,
нет,
не можем мы!
Пусть даже нас притворщицы встречают!
Но мы должны услышать:
«Мой родной!»
Ну а потом...
пускай шторма качают
И бьют с размаху глыбистой волной!

*

Беднее обмелевшая река,
Над ней уже
не видишь рыбака,
По ней плоты —
Земные облака —
Теперь не проплывут издалека.

Лови дождинки или не лови —
По ливню непришедшему тоска.
И сердце человека без любви
Как будто обмелевшая река.

*

Течет,
бурля и беспокоя,
Толпа широкою рекой.
И островком
стоят в ней двое,
Толпы —
как будто никакой.
Ворчат седые:
«Как не стыдно?
В обнимку —
среди бела дня!»
Эх, люди,
мне за вас обидно,
Поймите правильно меня.
Как постареем — не заметим
И сразу позабудем дни,
Когда казалось нам,
как этим,
Что в целом мире
мы одни.
А не припомнится такое,
Махни на жизнь свою рукой!
Как островок,
весь вечер двое
Стоят в толпе
и над толпой.

Под облаками

Березка на скале
под облаками
Цепляется корнями и ветвями
За голый камень,
За холодный камень,
Стремясь подняться даже над орлами,
И крылышками хлопает листва.
Но как березка все-таки крива!
Я взял ее,
как раненую птицу:
— Березка,
здесь тебе не распрямиться! —
И перенес,
чтоб не была в обиде,
Туда,
где есть земля,
Где есть цветы...
А через год вернулся и увидел,
Какой она достигла высоты.
Она пряма,
С ней птичьи дружат стаи,
И тень ее теперь не обойдем...
Не так ли быстро
люди вырастают,
Когда они
На месте
На своем.

Работа

Работа, сказали, калечит.
Но знаю я
Только одно:
Работа тяжелая лечит,
Когда мне от горя темно,
И небо спускается низко,
И сердце в блокаде тоски,
И где-то враги мои близко,
И где-то друзья далеки.

Работа,
Работа,
Работа —
От зорьки до зорьки другой.
Но горе,
Как капельки пота,
Стираю уставшей рукой.

Порою все хуже неволи,
Но чувствую день ото дня:
Как стружку рубанок,
Все боли
Работа снимает с меня.

В годину,
Где горести градом,
Где жизнь от ударов трещит,
Другой мне защиты не надо,

Работа —
Проверенный щит.
Она расправляет мне плечи
И солнышком светит в судьбе.
Она не калечит,
А лечит...
Спасибо,
Работа,
Тебе!

*

Всегда открытне — дорога,
Не стран —
Открытие людей:
Сблнжает —
Общая тревога,
Купе,
В котором потесней.

И разговоры, разговоры
До самых первых петухов,
Пусть за окиом рокочет город
Иль тнхиут несколько дворов.

Но нам мниуты откровеиья
Откроют мир,
Что скрыт от глаз,
И все его землетрясенья
Вдруг отзовутся дрожью в нас.

Вновь встреча где-нибудь в отсеке,
Но жизнь
и шире,
и светлей,
Когда в нее,
как будто реки,
Впадают жизин всех людей.

Содержание

Мой компас — сердце

Корни

Ледоплав

Лев Леонидович Сорокин

ПУШИЦА

Книга стихов

Редактор **Л. Вьюнник**
Художник **С. Миклашевич**
Художественный редактор **О. Червецова**
Технический редактор **Е. Румянцева**
Корректор **В. Дробышева**

ИБ № 1211
Сдано в набор 15.12.78 г. Подписано к печати 12.04.79. А10466. Формат 70x90/$_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,09. Уч.-изд. л. 2,9. Тираж 10 000 экз. Заказ № 5361. Цена 40 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография

СОВРЕМЕННИК

40 коп.

Свердловский поэт Лев Сорокин в новой книге говорит о мужестве и стойкости своих современников, преобразующих родной край, осваивающих таежные просторы.

Четкостью поэтической формы, нацеленностью на стихотворную публицистику, гражданственностью — отличаются лучшие стихи этого сборника.

НОВИНКИ·СОВРЕМЕННИКА·